

АЛЕКСАНДР ВАСЬКИН

ОТКРЫВАЯ МОСКВУ:

ПРОГУЛКИ ПО САМЫМ
КРАСИВЫМ
МОСКОВСКИМ ЗДАНИЯМ

И. XI. Спасская 12
II. Спасская 6. XII. Мещинская 1.
III. Спасская 12. XIII. Троицкая 2
IV. Спасская 30. XIV. Спасская 3
V. Мещинская 205. XV. Мещинская 2
VI. Мещинская 199. XVI. Спасская 6

Александр Анатольевич Васькин
Открывая Москву: прогулки
по самым красивым
московским зданиям
Серия «История – это интересно!»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23590258

Открывая Москву: прогулки по самым красивым московским зданиям:

Этерна; Москва; 2016

ISBN 978-5-480-00281-2

Аннотация

Пашков дом и Английский клуб, Музей изящных искусств и Дворец московского генерал-губернатора на Тверской, Манеж и Большой театр, Царицынский дворец и Храм Христа Спасителя, Казанский вокзал и Московский университет на Воробьевых горах – эти десять зданий стали подлинными символами Москвы. Легенды, предания, любопытные исторические факты, биографии людей, с ними связанных – все это есть в книге, представляющей не только своеобразную экскурсию, но и предмет увлекательного чтения.

Содержание

1. Пашков дом: «Ах, если б все это сжечь!..»

5

Конец ознакомительного фрагмента.

80

Александр Васькин
Открывая Москву:
прогулки по
самым красивым
МОСКОВСКИМ зданиям

© А. А. Васькин, 2016

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2016

1. Пашков дом: «Ах, если б все это сжечь!..»

Воланд ищет рукопись чернокнижника – Иван Грозный на Ваганьковском холме – Легенда о библиотеке царя – Кровавая свадьба – Откупщик Пашиков и его гуси-лебеди – Граф Румянцев: «Беречь как глаза!» – Румянцевский музей – Стасов: «Петербург коллекцию не отдаст!» – Долгожданный переезд – Дары от государя – Меценаты и благотворители – Толстой-поджигатель и космист Федоров – Виноват ли Иван Цветаев? – Акрополь в центре Москвы

С каменной террасы Пашкова дома – «одного из самых красивых зданий в Москве», заслоненные балюстрадой с гипсовыми вазами, присматривали за Москвой Воланд и Азazelло. Обозревая город «почти до самых краев», Воланд считал Москву весьма интересной, Азazelло же сравнил ее с Римом. Автор романа «Мастер и Маргарита» Михаил Булгаков, устами своих героев вспомнивший о Вечном городе, одел их в черные сутаны.

Задолго до Булгакова другой великий писатель сравнивал отсюда Москву с Римом. И был это не кто иной, как Гоголь. В 1851 году, наблюдая с бельведера Пашкова дома за праздничной иллюминацией в честь 25-летия царствования Ни-

колая I, писатель признался: «Как это зрелище напоминает мне Вечный город!» И он тоже был одет в черное... «Между собравшимися звездоносцами выделялся одетый в черный сюртук, худой, длинноносый, невзрачный человечек».

Какая связь времен всего лишь на одном балконе! Гоголь и Булгаков, так умолявший своего собрата по таланту: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью!» Бывал ли здесь сам Булгаков? Вероятно. А как же иначе, ведь Воланд явился к нам не фокусы показывать, а разбирать «подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века», что обнаружили в государственной библиотеке. По крайней мере, так «единственный в мире специалист» ответил Берлиозу. И, между прочим, сказал правду. Ведь в конце романа Воланд оказался именно в Пашковом доме, где и находилась государственная библиотека, хранившая бесценные рукописи.

А Герберт Аврилакский – не просто чернокнижник, а папа Сильвестр II, реальное лицо, о котором вот уже десять веков живет легенда, что папский престол он выиграл в кости у самого дьявола, то есть у Сатаны. Так кому же еще разбирать его рукописи, как не Воланду, так и не сыгравшему в кости с буфетчиком из варьете. Насколько же логичным выглядит появление Пашкова дома именно в конце романа: Воланд оказывается на его террасе, разобравшись не только в рукописях, но и во многом другом.

Пашков дом оказался в булгаковском романе в ту пору,

когда Москва стала «необъятным сборищем дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг». Когда смотришь на эскиз семидесятилетней давности, изображающий перспективу Дворца Советов с ведущей к нему Аллеей Ильича, то единственным маяком, позволяющим узнать Волхонку со Знаменкой, является именно Пашков дом. Маленький, аккуратный, будто чудом занесло его в сталинскую Москву (как и Воланда со свитой).

Но было в его жизни и другое время, когда дом этот называли «Акрополем, сияющим на поросшем кустами холме»: бросалась в глаза гармоничность его архитектурных форм, скрывавших то, что здание в себе хранило и духовно излучало. Излучения исходили от Румянцевского музея и Публичной библиотеки.

Пашков дом – истинно московское здание. Знаете почему? Потому что горело. Как Большой театр, Университет на Моховой, Манеж... Построенное к 1786 году, простояло оно почти четверть века и было вместе со всей Москвой «французу отдано».

Во время катастрофического пожара в сентябре 1812 года Пашков дом выгорел полностью, оставив взорам потрясенных москвичей лишь стены. Сгорели интерьеры, обрушилась крыша. Были утрачены скульптура, первоначально завершавшая бельведер, и герб Пашкова в обрамлении скульптурной группы, венчавший центральный портик со стороны Моховой улицы.

Пашков дом после пожара 1812 года, худ. Д. Джеймс

По рисункам XVIII века здание стали восстанавливать. Несмотря на то что дом был частной собственностью Пашковых, деньги на реставрацию его – уже тогда ставшего самым красивым зданием Москвы – были отпущены из казны. Авторами реставрации Пашкова дома исследователи называют архитекторов О. И. Бове, С. И. Мельникова и И. Т. Таманского. Бельведер, восстановленный после пожара, имел уже не свободно стоящие колонны, а примыкающие к стене парные полуколонны. К 1817 году весь дом был возрожден.

Вновь замаячила над Москвой и знаменитая круглая бе-

лая башня с зеленой шляпкой – Пашкова вышка, из стены которой непонятно как вылез булгаковский Левий Матвей. Те же, кто не обладал способностью проникать сквозь стены, поднимались сюда по лестнице, как, например, прусский король Фридрих Вильгельм III. Породнившись с Россией (его дочь Шарлотта вышла замуж за будущего императора Николая I), монарх в 1818 году навестил Москву, пожелав как можно более полно осмотреть ее. Он обратился к главному распорядителю всех мероприятий графу Толстому и попросил, чтобы его проводили на крышу какого-нибудь высокого здания, откуда можно было бы обозреть панораму города. Толстой поручил генералу Киселеву найти такой дом и попросил его сопровождать прусских гостей. Киселев выбрал только что обновленный после пожара дом Пашкова.

Спустя много лет генерал вспоминал: «Я провел их (т. е. короля с двумя сыновьями) на Пашкову вышку – бельведер – в доме на Моховой, принадлежавшем тогда Пашкову, а ныне занимаемом Румянцевским музеем. Только что мы вылезли туда и окинули взглядом этот ряд погорелых улиц и домов, как, к величайшему моему удивлению, старый король, этот деревянный человек, как его называли, стал на колени, приказав и сыновьям сделать то же. Отдав Москве три земных поклона, он со слезами на глазах несколько раз повторил: “Вот она, наша спасительница”». Так прусский король выразил признательность Москве и России за спасение от наполеоновского нашествия. Ему было за что благодарить Пер-

вопрестольную – по Тильзитскому миру Пруссия лишалась до трети своих владений.

Внешний вид нового Пашкова дома претерпел некоторые изменения, но в основном был воссоздан тот, допожарный баженовский проект. Хотя до сих пор спорят, был ли Баженов автором Пашкова дома: документальных свидетельств не сохранилось.

Зато какая занятная легенда: якобы Баженов в отместку Екатерине II за отлучение от Царицынского дворца специально выстроил Пашков дом спиной к Кремлю (то, что мы видим сегодня с Моховой улицы, – это задний фасад, а парадный въезд во дворец находится со стороны Староваганьковского переулка). Многие здесь указывает на оппозиционность: белый цвет в противовес красному кремлевскому, Ваганьковский холм напротив Боровицкого, круглая Пашкова башня супротив храмообразных башен Кремля.

Странные ассоциации, видимо, посетили и сына императрицы, Павла I. Приехав на коронацию в Москву в 1797 году, он приказал снять с купола здания венчавшую его статую богини Минервы, символа царствования его матери.

Да и личность заказчика была весьма специфична. Кто раньше жил рядом с Кремлем? Князя да бояре. С подбострастием всякие там стольники и целовальники взирали из своих окошек на зубчатые кремлевские стены. Смотрели снизу вверх. А Пашков дом выстроили не Шереметев с Голицыным, а новый русский Екатерининской эпохи, быстро

разбогатевший на винных откупах сын петровского денщика. То был Петр Егорович Пашков (1726–1790), отставной капитан-поручик лейб-гвардии Семеновского полка. О нем и рассказать-то особо нечего, потому как в истории Москвы он остался исключительно благодаря дому.

Король Прусский Фридрих Вильгельм III с сыновьями благодарит Москву за спасение его государства с бельведера Пашкова дома, худ. Н. Матвеев, 1896

А задолго до Пашкова здесь стояла усадьба еще одного ближайшего к Петру I человека – Александра Даниловича Меншикова, обогатившегося до такой степени, что даже сам Петр не мог ничего с ним поделаться. А еще раньше Ваганьковский холм носил на себе опричный двор Ивана Грозного (1530–1584).

Когда очередной пожар охватил Москву в 1547 году, семнадцатилетний царь укрылся именно здесь, но если бы только пожарище страшило молодого государя – небывалое по своему размаху Московское восстание, вызванное неурожаем хлеба, произошло в Москве в том году. Вся ненависть простого люда выплеснулась против ближайших родственников Грозного – князей Глинских, будто бы они подожгли столицу. Князя Юрия Васильевича Глинского – дядьку царя – убили, а сам Иван IV из Ваганькова поспешил переехать еще дальше от Кремля, в село Воробьево.

В январе 1567 года царь Иван Грозный поселился в новом опричном дворце – на углу Моховой улицы и Воздвиженки (к началу XX века на Моховой оставались две белокаменные палаты со столпами посередине и со сводами из кирпича, предположительно это и были остатки опричного дворца).

Свои впечатления об опричном дворце Ивана Грозного оставил нам в воспоминаниях Генрих фон Штаден – достаточно известная историческая личность. Почти двадцать

лет служил он царю Ивану, сначала толмачом, затем опричником. Последнее ему наиболее запомнилось. Генрих фон Штаден лично участвовал в боярских погромах, благодаря чему вошел в историю. Сергей Эйзенштейн увековечил его личность в своем фильме «Иван Грозный» – не каждый опричник удостоивался такой чести. Вот что пишет царский опричник в своих воспоминаниях «Страна и правление московитов в описании Генриха Штадена»: «Но, когда была учреждена опричнина, все, кто жил по западному берегу речки Неглинной, без всякого снисхождения должны были покинуть свои дворы и бежать в окрестные слободы, еще не взятые в опричнину. Это относилось одинаково и к духовным, и к мирянам. А кто жил в городе или слободах и был взят в опричнину, тот мог легко перейти из земщины в опричнину, а свои дворы в земщине или продать, или, разобрав, увезти в опричнину.

Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля, на высоком месте в расстоянии оружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной на одну сажень от земли (выложить ее из тесаного камня, а еще на две сажени вверх из обожженных кирпичей). Наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц; протянулись они приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину; с тремя воротами; одни выходили на восток, другие – на юг, третьи – на север.

Северные ворота находились против Кремля и были окоеваны железными полосами, покрыты оловом. Изнутри, там, где ворота открывались и закрывались, были вбиты в землю два огромных толстых бревна и в них проделаны большие отверстия, чтобы через них мог пройти засов; засов этот (когда ворота были открыты) уходил в стену, а когда ворота закрывались, его протаскивали через отверстия бревен до противоположной стенки. Ворота были обиты железом. На них было два резных разрисованных льва, вместо глаз у них были пристроены зеркала, и еще резной, из дерева, черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один (лев) стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой, такой же, смотрел во двор. Между двумя львами стоял двуглавый черный орел с распростертыми крыльями и грудью, повернутой в сторону земщины. На этом дворе были выстроены три мощных постройки, и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый орел, с грудью, обращенной к земщине.

От главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла. Там перед избой и палатой были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на полсажени ниже для доступа воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хорамами был погреб, полный больших кругов воску. Такова была особая площадь великого князя. Ввиду сырости она была засыпана белым песком на локоть в вышину.

Южные ворота были малы, только один и мог в них въезжать и выезжать. Здесь были выстроены все приказы и ставились на правеж должники... Через восточные ворота князья и бояре не могли следовать за великим князем ни во двор, ни из двора, эти ворота были исключительно для великого князя, его лошадей и саней. Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, изнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было (там была большая площадь, ничем не застроенная). На севере были большие ворота, обитые железными полосами, покрытые оловом.

Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребками... были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы... Здесь была калитка, чтобы с поварен, погребов и хлебен можно было доставлять еду и питье на правый великокняжеский двор. Здесь было две лестницы (крыльца); по ним можно было подняться к большой палате. Одна из них была против восточных ворот. Перед ними находился маленький помост, подобный четырехугольному столу; на него всходил великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоились крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла вне ограды перед двором на восток. Церковь эта была выстроена крестообраз-

но, и фундамент ее шел вглубь на восьми дубовых сваях; три года она стояла непокрытой...

Другая лестница была по правую руку от восточных ворот. Под этими двумя лестницами и переходом держали караул 500 стрельцов... На южной стороне ночью держали караул князя и бояре...»

В 1571 году опричный дворец Ивана Грозного в Старом Ваганькове сгорел при нашествии на Москву хана Давлет-Гирея. От себя добавим, что были в Старом Ваганькове и Псарная слобода, но в XVIII веке ее перевели в Новое Ваганьково, и княжеская сокольня; стоял в начале XVII века Аптекарский двор (на углу современных Воздвиженки и Староваганьковского переулка). А сколько исторических событий, людских судеб и, конечно, легенд связано с Ваганьковским холмом! Самое известное предание заставляет нас поверить в то, что где-то очень глубоко под Ваганьковским холмом зарыта библиотека Ивана Грозного – Либерея, поиски которой до сих пор не увенчались успехом. Из Кремля в Опричный дворец царя вел подземный ход, в ответвлениях которого и спрятал царь бесценные манускрипты и даже инкунабулы¹. Вероятно, именно этот подземный ход и был обнаружен при строительстве станции метро «Библиотека им.

¹ Инкунабула (от *лат.* *incunabula* – «колыбель») – книга, напечатанная на начальном этапе книгопечатания (1450–1500), после изобретения Иоганном Гутенбергом (ок. 1400–1468) подвижных металлических литер. Издания этого периода очень редки, так как их тираж был 100–300 экземпляров. – *Прим. ред.*

Ленина» в начале 1930-х годов.

Если библиотека и будет когда-либо обнаружена, и случится такое чудо, то счастливицам, нашедшим ее, должно открыться уникальное собрание древних книг. Опять же по легенде, считается, что библиотеку привезла в Москву Софья Палеолог, бабка Ивана Грозного. А ей она досталась от византийских императоров, собиравших библиотеку до падения Константинополя. Среди свитков могут быть и «История» Тита Ливия, и «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, и «История» Тацита, и «Энеида» Вергилия, и даже «Комедии» Аристофана. Это лишь некоторые из предполагаемых рукописных памятников, присутствующих в различных описях книг Ивана Грозного. Если же сложить все вместе, то получится приличный список. Так что библиотеку под полу не спрячешь. Будем надеяться, что будущим поколениям исследователей повезет больше и сказка станет былью. Но не поверить в нее невозможно, ибо где же еще должна храниться Либерея, если не в толще Ваганьковского холма, на котором стоит Пашков дом, ставший пристанищем других старинных рукописей?

А в середине XV века в Старом Ваганькове стоял дворец великой княгини Софьи Витовтовны (1371–1453), дочери великого князя литовского Витовта и жены великого князя Василия I. Это была женщина очень решительная и властная, причем власть ее рас пространялась, прежде всего, на

супруга, с которым она повенчалась 15 августа 1389 года в Успенском соборе Владимира. А венчал молодых ордынский посол Шихмат.

Мы не беремся утверждать, что молодожены полюбили друг друга с первого взгляда. Да и обстановка, при которой они познакомились, явно не располагала к романтическим чувствам. Брак этот был вынужденным. Дело в том, что великий князь Василий I (1371–1425), сын Дмитрия Донского, в юности около четырех лет провел в Золотой орде, но не в качестве гостя, а будучи пленником ордынского хана. Когда княжич наконец достиг совершеннолетия, ему удалось бежать из Орды в Молдавию, а затем в Литву, где он и был пленен великим князем литовским Витовтом. Витовт поставил условием освобождения наследника московского престола его женитьбу на своей дочери Софье, и Василию ничего не оставалось делать, как согласиться.

Василий не унаследовал талантов и славы отца. Осмотрительность и осторожность – вот слова, наиболее подходящие для характеристики его великого княжения, продолжавшегося 36 лет, с 1389 по 1425 год. Оставаясь татарским улусом, Русь при нем оказалась втянутой в орбиту литовского влияния. И в том, что это влияние при Василии I чрезмерно усилилось, была заслуга прежде всего его супруги, Софьи Витовтовны, отец которой, великий князь Витовт, был одержим идеей объединения Восточной Европы в единое государство под своей властью.

В 1395 году Витовт овладел Смоленском, в 1406 году – псковским городом Коложем. Захватив Ржев и Великие Луки, властвуя с одной стороны от псковских границ до Молдавии, с другой – до берегов Оки и Днепра, Витовт господствовал во всей Южной Руси. А в 1395 году вместе с ханом Тохтамышем они решили разделить между собой Московскую Русь. Незадолго до этого Литва и Польша подписали договор о вступлении в унию. В новом государстве православные оказались людьми «второго сорта»: они лишались права быть шляхтой, членами сейма, государственными служащими. А в Москве зять Витовта великий князь Василий I и не думал вступаться за своих единоверцев.

Было бы сильным преувеличением утверждать, что Софья Витовтовна и Василий I жили счастливо. Из пяти их сыновей умерли четверо: Юрий, Даниил и Семен еще в детстве, четвертый – Иван прожил чуть более двадцати лет и умер в 1417 году.

И лишь пятый сын Василий, родившийся в марте 1415 года, мог претендовать на наследство отца. И тогда именно его имя в 1417 году, после смерти Ивана, Софья Витовтовна и заставила Василия I вписать в духовное завещание, где единственный оставшийся в живых полутороогодовалый сынок был указан в качестве наследника престола. Исторически это было неправильно. Потому что следующим после Василия I великим князем Московским должен был стать его старший брат Юрий Дмитриевич Звенигородский. Порядок

наследования на Руси был утвержден еще Ярославом Мудрым. Согласно ему, престол наследовал старший в роде – то есть дядя имел преимущество перед племянником. Кроме того, Юрий опирался на завещание Дмитрия Донского: «А по грехам, отымет Бог сына моего, князя Василия, а хто под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел». Следующим по старшинству после Василия был Юрий, всего тремя годами моложе великого князя.

На стороне Юрия была традиция: когда после смерти московского князя Юрия Даниловича в 1325 году престол перешел к младшему брату – знаменитому Ивану Калите, а в следующем поколении Иван Красный после кончины старшего брата Симеона Гордого получил владимирское княжение.

Василий I скончался в Москве в феврале 1425 года, номинально передав верховную власть девятилетнему сыну Василию. Существует легенда, что великий князь оставил завещание в пользу Юрия. Софья Витовтовна уничтожила его, составив новое. Для чего? В своих «Записках о Московии» австрийский посол Сигизмунд Герберштейн писал: «Василий Дмитриевич не любил своего единственного сына Василия, так как подозревал в прелюбодеянии свою жену, от которой тот родился, поэтому, умирая, оставил великое княжение Московское не сыну, а брату своему, Юрию, но большинство бояр примкнуло все же к сыну». К сыну – читай к Софье Витовтовне, которая создала новое марионеточное правительство по управлению Русью, возглавляемое греком

митрополитом Фотием. Софья Витовтовна отправила Фотия к Юрию Дмитриевичу, чтобы любыми средствами склонить его к признанию великим князем малолетнего Василия Васильевича. Но это ему не удалось.

Тогда зимой 1427 года Софья Витовтовна выехала в Литву к отцу. В письме к ливонскому магистру Витовт писал: «Великая княгиня московская недавно была у нас и вместе со своим сыном, землями и людьми отдались под нашу защиту». И литовские войска вторглись на русские земли. Только под угрозой иноземной оккупации Юрий в 1428 году был вынужден признать отрока Василия своим «старшим братом». А Софья Витовтовна получила возможность безгранично влиять на своего сына, теперь уже следующего великого князя московского Василия II (1415–1462), получившего впоследствии прозвище Темный...

В 1433 году состоялась свадьба Василия II и Марии Ярославны, по этому поводу было устроено большое торжество. На свадебный пир были приглашены два сына Юрия Дмитриевича: Дмитрий Шемяка и Василий Косой. На Василии был золотой пояс, покрытый драгоценными камнями. Старый боярин, наместник Петр Константинович Ростовский, узнал этот пояс, который когда-то был подарен жене Дмитрия Донского Евдокии и который был впоследствии украден тысяцким Вельяминовым в 1367 году. Потом пояс передавался из рук в руки и оказался в конце концов у Василия Косого.

Софья Витовтовна прилюдно сорвала пояс с Косого, ибо пояс должен был по наследству достаться ее сыну. Обвиненные в воровстве братья ушли с пира, дав клятву рассчитаться за такую обиду. Таким образом, ссора на свадьбе послужила поводом для начала очередной междоусобной войны. Произошедший на свадьбе скандал явился сюжетом для картины художника П. П. Чистякова, написанной им в 1861 году.

В центре картины мы видим героиню нашего рассказа великую княгиню Софью Витовтовну, в руках у нее тот самый пояс. Справа от великой княгини – Василий Косой. А Дмитрия Шемяку художник изобразил в левом углу полотна. Что же касается Василия II, то он, как мы видим, стоит с протянутой рукой, и рука эта тянется к сорванному его матерью поясу. То, что Софья Витовтовна находится в центре картины, а ее сын – на заднем плане, достаточно красноречиво характеризует ее ведущую роль при дворе.

«На свадьбе великого князя Василия Васильевича Темного великая княгиня Софья Витовтовна отнимает у князя Василия Косого, брата Шемяки, пояс с драгоценными камнями, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому, которым Юрьевичи завладели неправильно», худ. П. П. Чистяков, 1861, Государственный Русский музей

В 1433 году войска Юрия Дмитриевича двинулись на Москву, чтобы восстановить наконец историческую справедливость. Но великий князь узнал о наступлении своего дяди, только лишь когда войско Юрия подошло к Переславлю-Залесскому. Искусная в дворцовых интригах, Софья Ви-

товтовна оказала своему сыну последнюю услугу: в обстановке, когда московская знать стала говорить, что следует открыть Юрию ворота и вознести его на престол, она железной рукой подавила сопротивление и собрала рать. А княжеский дворец в Старом Ваганькове превратился в своеобразную Ставку верховного главнокомандования.

Воинский дух великая княгиня поднимала обычным способом: «многие пьяны бяху, и с собою мед везяхи, чтобы питии еще», свидетельствует Никоновская летопись. Но несмотря на предпринятые Софьей Витовтовной меры, исход битвы оказался не в пользу ее сына. Василий II, его жена и мать Софья Витовтовна бежали с поля боя, даже не предприняв попытки оборонять Москву. Они бежали в Тверь, затем в Кострому, где и были схвачены. А дворец в Старом Ваганькове вместе со всем своим имуществом достался победителям.

Юрий Дмитриевич не был кровожадным. Он дал прощальный пир племяннику, богато одарил и отправил в Коломну со всеми его боярами. Коломна в те годы считалась самым богатым уделом Московского княжества. У Василия появилась возможность быстро собрать новую рать. Коломна стала местом сбора всех недовольных. Московские бояре и слуги, люди, по выражению летописца, «от мала и до велика» начали отказываться от Юрия и отъезжать к Василию.

Наконец, еще одной проблемой, с которой столкнулся Юрий Дмитриевич, было ярко выраженное недовольство

Орды. Возможно, именно Орда повлияла на то, чтобы Василию дали в удел Коломну, город, ближайший к улусу Джучиеву. И, вероятно, одним из ордынских «агентов влияния» был боярин Морозов. Во всяком случае, сыновья Юрия думали именно так. Летопись сохранила подробности «разборок».

Ссоры привели к кровопролитию. В «набережных сенях» кремлевского дворца Дмитрий Шемяка и Василий Косой убили Морозова. Боясь гнева великого князя, княжичи тотчас покинули Москву. По-видимому, после убийства главы великокняжеского совета началось повальное бегство служилых людей из Москвы. Раздор в удельной семье и отъезд московской верхушки привели к беспрецедентному поступку: Юрий добровольно передал власть только что свергнутому племяннику и снова возвратился в свой удел.

Оказавшись в Москве, Василий II по наущению своей матери стал мстить своим благодетелям. Он, в частности, решил расправиться с сыновьями Юрия. А Софья Витовтовна вновь въехала в свой дворец на Ваганьковском холме. В конце концов Юрий опять подошел к Москве и в апреле 1434 года занял Кремль, взяв в плен Софью Витовтовну. Василий II же решил бежать в Орду, так как полностью лишился поддержки русских князей.

Но коварная Софья Витовтовна не сидела сложа руки. Она плела сети заговора против нового великого князя. И вот 5 июня 1434 года, не процарствовав даже и трех меся-

цев, Юрий Дмитриевич неожиданно скончался. По Москве поползли слухи, будто бы именно Софья Витовтовна сама приготовила яд для великого князя. А кому еще была выгодна смерть Юрия Дмитриевича, как не ей? Ведь самое интересное, что в своем завещании великий князь Юрий указал на того человека, которому следовало передать власть в случае его смерти. Что же это был за человек? Ну конечно, Василий II, «любимый» племянник!

Вот каким принципиальным был Юрий Дмитриевич, он фактически обрек себя на верную гибель, задумав вновь передать власть сыну Софьи Витовтовны, которая, естественно, не преминула воспользоваться волей благодетельного князя. И, может быть, все так и вышло, как хотела дочь великого князя литовского, если бы в дело не вмешались сыновья самого Юрия. Новым великим князем объявил себя Василий Косой...

Но вернемся к Пашкову и его дому. Хозяину показалось мало заказать проект у самого Баженова, рядом со своим дворцом он еще разбил парк, естественно на английский манер, устроил зоосад с фонтанами. Украшением сада был прекрасный пруд, выстланный камнем. По пруду плавали лебеди, в саду расхаживали журавли, павлины, бегали кролики. Москвичи специально приходили к ограде дворца, чтобы поглазеть на диковинку. Был среди них и маленький Петя Вяземский: «На горе, отличающийся самобытной архитекту-

рою, красивый и величавый, с бельведером, с садом на улице, а в саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и заморские птицы; по праздникам играл в саду домашний оркестр. Как, бывало, ни идешь мимо дома, так и прильнешь к железной решетке; глазеешь и любишься; и всегда решетка унижена детьми и простым народом».

Да что там свои! Иноземцы приезжали и изумлялись, глядя на это диво дивное. Немецкий путешественник Иоганн Рихтер, посетивший Москву в конце XVIII века, писал: «В многолюдной части города, на Моховой, недалеко от Кремлевского моста, на обширном холме возвышается волшебный замок... В глубине видишь дворец... Два входа ведут в верхний этаж и на просторную вышку в куполе, с которой открывается прелестнейший вид на Москву.

Дом состоит из главного здания и двух флигелей, соединяющихся с ним галереями. В середине сделан выступ с громадными сводчатыми окнами и двумя парадными выходами в сад. В первом этаже этот выступ образует балкон, покоящийся на тосканских колоннах. На одной стороне балкона стоит богиня Флора, на другой – Церера. Вверху купол оканчивается бельведером, окруженным двойными колоннами. Рядом красивых колонн украшены также и флигеля. И все это образчик эвритмии и симметрии. На самых возвышенных пунктах пред домом красуются две колоссальные статуи Минервы и Марса, принадлежащие, как и прочие фигуры, к лучшим произведениям резца. Внизу два каменных бассей-

на с фонтанами в середине. От улицы дом отделяется решеткою чудного узора. Сад, как и пруд, кишит иноземными редкими птицами. Трудно описать впечатление, производимое домом при освещении».

Пашков дом, худ. Ж. Делабарт, XVIII век

Денег у Пашкова было много, а вот детей Бог не дал. Умер хозяин «волшебного замка» бездетным. Жена ненадолго пережила его, и все наследство отошло к его двоюродному брату А. И. Пашкову, который расширил и еще более украсил

дом. С 1831 года последней владелицей дома была его внучка, по мужу Д. И. Полтавцева. К этому времени журавли разлетелись, иссякли фонтаны, а здание представляло печальную картину: «Не спешите ныне к сему дому, вы увидите все в жалком состоянии. Огромный дом ныне только что не развалины, окошки забиты досками, сад порос мохом и густою травою», – предупреждали современники. Ну вовсе как в недавнее время!

От пущего разорения дом спас Московский университет, прикупив его в 1839 году для своего дворянского института. Для этих целей в 1841 году здание было подвергнуто перестройке по проекту архитекторов А. В. Никитина и И. И. Свиязева. А с 1852 года здесь была 4-я московская гимназия.

В 1861 году, более полутора веков назад, Пашков дом приютил у себя богатейшую коллекцию графа Николая Петровича Румянцева – рукописное, этнографическое, нумизматическое и книжное собрания.

Сам Николай Румянцев, именем которого Александр II повелел назвать первый общедоступный музей Москвы, родился почти за сто лет до его основания – в 1754 году, и был вторым сыном знаменитого екатерининского полководца и фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, хозяина близлежащего к Моховой улице дворца на Волхонке.

Николай Румянцев верой и правдой служил Романовым

и Российскому государству еще со времен Екатерины II. Образование он получил в Лейденском университете, посетив немало европейских стран. Основных успехов добился на дипломатическом поприще, дослужившись до должности канцлера и министра иностранных дел Российской империи. Ревностно отстаивая интересы Отечества, граф не упускал случая вступить в резкий спор с тем или иным заморским дипломатом, если тот задевал честь и достоинство России. Задавшись целью собрать все рукописные и печатные источники по истории России, граф окружил себя лучшими историками и архивистами. Образовался Румянцевский кружок, в пределах которого были академик Круг, священнослужитель и ученый Болховитинов, историки Бантыш-Каменский, Малиновский и Калайдович, библиограф Строев, филолог Востоков. Немало документов было найдено в европейских библиотеках и архивах. Все они были тщательно переписаны, переплетены и привезены в Россию, на многих из них рукою Румянцева начертано: «Беречь как глаза». Кружок занимался не только поисками рукописных памятников отечественной истории, но и изданием книг, многие из которых сегодня являются библиографической редкостью.

Еще перед войной 1812 года Румянцев и члены его кружка начали готовить к изданию многотомный труд – «Собрание государственных грамот и договоров», хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Но военные события прервали эту работу. Первый том «Собрания» вышел

лишь в 1813 году, заключительный, четвертый, том увидел свет в 1828 году. Это была последняя книга, изданная Румянцевским кружком. Всего же за пятнадцать лет своей деятельности кружок выпустил около пятидесяти книг, многие из которых на сегодняшний день являются бесценными, так как выходили они очень ограниченными тиражами.

К оформлению и иллюстрированию книг привлекались лучшие российские художники-граверы: Галактионов, Клаубер, Алексеев, Скотников, Ухтомский, Ческий. Среди румянцевских изданий – «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви» Болховитинова (1818), «Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым» (1818), «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории» (1819), «Рустрингия, первоначальное отечество первого русского князя Рюрика и его братьев» (1819), «Слово о полку Игореве» (1819), «Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год» (1820–1821), «Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика» К. Калайдовича (1820), «Памятник российской словесности XII века» (1821), «Кирилл и Мефодий, словенские первоучители» (1825) и др.

В 1814 году Румянцев вышел в отставку с поста министра иностранных дел и уехал в свое родовое имение под Гомелем. В 1825 году он вернулся в Петербург и жил в своем доме на Английской набережной, около Николаевского моста.

Все залы, все кабинеты дома были заполнены рукописями, книгами, медалями, монетами. В этом же доме 3 января 1826 года Румянцев и скончался.

Граф Николай Румянцев, худ. Дж. Доу

Современники высоко оценивали личность Н. П. Румянцева. Вот что писал о нем в 1846 году известный журналист А. В. Старчевский в статье «О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории», орфография сохранена: «Граф Николай Петрович Румянцев был сын фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Родился он в памятный для России год, в который императрица Елизавета уничтожила смертную казнь; воспитывался в доме отца. С юных лет Румянцев отличался кротостью, благородством души, светлым умом и необычайною понятливостью. Молодой Румянцев вполне оправдал надежды отца. Старому воину жаль было только одного, что сын его не имел влечения к военному поприщу.

Образованность, и в особенности знание иностранных языков, весьма рано обратили на молодого Румянцева всеобщее внимание. Это льстило немало честолюбию отца, который писал к императрице Екатерине II об успехах старшего сына и просил употребить его по дипломатической части. В год восшествия на престол Екатерины II (1762) молодой Румянцев записан был в военную службу. На 17 году (1770) он был уже адъютантом, а спустя два года (1772) пожалован в камер-юнкеры. Через два года после того он уехал за границу для окончания своего образования и пробыл там около пяти лет. Возвратившись в Отечество, он поступил на службу при дворе и пожалован в камергеры (1779). Вслед за тем он на-

значен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Германском Сейме во Франкфурте-на-Майне.

Убедившись в неполноте своего образования, он с усердием приступил к изучению германской, французской и английской литературы. Находясь на одном месте целые пятнадцать лет, Румянцев обогатил свои сведения, в особенности в науках политических, исторических, филологии и библиографии. Ознакомившись с сокровищами, которые раскрыла пред его любознательным взором образованность главнейших европейских государств, он хорошо понял младенческое состояние наук в своем Отечестве. Тогда-то родилась у него мысль – оказать соотечественникам услугу в этом отношении.

Первою его мыслью было – составить себе отборную библиотеку, которая могла бы быть полезною в его Отечестве. При составлении ее он обращал внимание не только на любимые предметы, но в особенности на все то, что прямо или косвенно касалось отечественной истории. В течение пятнадцати лет он сделал много важных приобретений, и должно отдать ему полную справедливость в том, что между всеми русскими книгохранилищами нет ни одного, которое могло бы похвалиться такою многочисленностью сочинений по предмету северной и славянской истории, какое мы встречаем в его Музеуме. Вторая важнейшая часть его библиотеки состоит в собрании сочинений по части библиографии вообще.

Однако же Румянцев, следя за развитием иностранной литературы и собирая библиотеку, не забывал главных своих обязанностей. Он успел уже отличиться на поприще дипломатическом, чему доказательством служат награды, полученные им от императрицы, умевшей ценить достоинства и заслуги своих сановников. Сначала (1784) он пожалован Кавалером ордена Св. Владимира II степени Большого Креста, потом (1791) произведен в тайные советники, а за усердные действия к поддержанию стороны Бурбонов и пребывание его в Кобленце при братьях короля французского Людовика XVI Румянцев получил в том же году орден Св. Александра Невского»².

Высоко оценена была деятельность Николая Румянцева и при следующем самодержце дома Романовых – Павле I. Новый император определил Румянцева в ту группу царских вельмож, которая была им возвышена и щедро одарена. Павел произвел Румянцева сперва в гофмейстеры, затем, спустя десять дней, – в обер-гофмейстеры, а еще через три дня – в действительные тайные советники. При Павле Петровиче Николай Петрович занимал посты генерал-прокурора и главного попечителя Вспомогательного банка, был сенатором.

Трагическая смерть Павла не прервала ступенчатой карьеры Румянцева, которого теперь уже следующий государь – Александр Павлович – ввел в состав Государственно-

² *Старчевский А. В.* О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории // Преподавание истории в школе. 1995, № 2. С. 17–20.

го Совета. Вскоре Румянцев стал главным директором Департамента водяных коммуникаций и экспедиции об устройении в России дорог, а после учреждения министерств в 1802 году – министром коммерции. При нем, как пишет современник, «торговля России не только приведена была в цветущее состояние, но сравнялась с торговлями первейших европейских государств. Санкт-Петербургский порт, занимавший почти половину торгова всей империи, вполне оправдал его попечение. Отпуск отечественных произведений постоянно превышал привоз иностранных»³.

В 1807 году Румянцев стал еще и министром иностранных дел. Служба его по Министерству иностранных дел пришлась на предгрозовое для России время – канун Отечественной войны 1812 года. Румянцев, казалось, сделал все возможное для предотвращения войны. Не раз встречался с Наполеоном. Так было в 1809 году, когда по указанию царя граф выехал в Париж для участия в переговорах о примирении Австрии с Францией.

За заключение в 1809 году выгодного для России Фридрихсгамского договора со Швецией Румянцев получил от Александра I почетное звание государственного канцлера. Но еще большим подарком было все более возрастающее влияние графа на царя, так же, как и Наполеон, полагавшего, что лучшего министра иностранных дел вряд ли можно найти. Бонапарт дал графу высокую оценку: «Я не видал еще

³ Старчевский А. В. Указ. соч.

русского с такими глубокими познаниями в истории и дипломатии!» Председатель Государственного Совета (с 1810 года) Румянцев отвечал Франции взаимностью, полюбив эту замечательную страну как вторую родину. Эти свои соображения он непрестанно доводил до Александра I.

И поэтому, когда летом 1812 года наполеоновские войска форсировали Неман, Румянцева хватил апоплексический удар. Канцлер так верил Наполеону, что и предположить не мог всей глубины коварных замыслов поработителя Европы. Не чувствуя за собой морального права и физических сил исправлять должности Председателя Государственного Совета и министра иностранных дел, а также коммерции, Румянцев обратился к Александру I с просьбой об отставке.

Последствием болезни Румянцева стала глухота, Впрочем не ставшая препятствием его просветительской деятельности. Напротив, он полностью отдался ей, добившись своей отставки лишь в 1814 году. (Александр I никак не хотел отпускать тугоухого графа, даровав ему пожизненный чин государственного канцлера.)

В отставке у Румянцева наконец появилась возможность целиком посвятить себя просветительской деятельности, в которой его всячески поддерживал историк Николай Михайлович Карамзин. Румянцева занимало не только собирательство и коллекционирование, но даже такие вопросы, как существование прохода из Южного океана в Атлантическое

море, для чего он снарядил корабль «Рюрик» под командованием лейтенанта Коцебу.

Интересовала графа и такая область истории, как свидетельства иностранцев о России, особенно те, что не опубликованы и находятся в европейских архивах и библиотеках. А потому Румянцев отправил на Запад двух молодых ученых – Штрاندмана в Италию и Шульца в Пруссию, в Кенигсберг.

Граф задался целью издать научно-историографический труд, вмещающий в себя все имеющиеся иностранные источники, рассказывающие о России разных эпох: от Иоанна III до последнего Рюриковича – Федора Иоанновича, затем о времени Смуты и, наконец, от первого Романова – Михаила Федоровича, до его внука Петра I.

Деятельность Румянцева демонстрирует одно из укреплявшихся в те годы направлений общественной мысли – повышенный интерес к отечественной истории. Неслучайно, что возник он после победы России над наполеоновской Францией и успешным окончанием заграничных походов русской армии. Эти события вновь показали, что Россия, как и в петровские времена, способна не только отразить натиск врага, но и уничтожить противника в его собственном логове. Знаменательно, что интерес к своей истории стал все более возрастать при Александре I.

К Румянцеву «стали присылать из всех концов России летописи, списки разных грамот, выписки из исторических сочинений, копии синодиков, каталогов и реестров рукопи-

сей и разных бумаг, хранящихся в различных монастырских библиотеках и архивах. Таким образом, Канцлер успел приобрести до 732 рукописей; из них некоторые могут быть отнесены к XII веку. Они писаны на пергаменте и большею частью касаются Церкви и ее управления. Иностранные рукописи писаны на различных европейских и азиатских языках: первые получены из разных иностранных библиотек и архивов, а последние от частных лиц.

В 1818 году Румянцев сам отправился в Оршу и в 24 верстах от города, на дороге, ведущей к Толочину, извлек из забвения надгробный камень внука Мономахова, скончавшегося в XII столетии. Оршинский камень, занимающий первое место после камня Тмутараканского, – из сероватого гранита, шириною в 3 аршина и 6 вершков, длиною в 4 аршина и 4 вершка. На нем находится следующая надпись: “Въ лето 6679 (1171) мес. мая въ 7 день успе; Господи, помози рабу своему, Василию въ крещении, именемъ Рохволду, сыну Борису”.

Для приобретения древних рукописей и старопечатных книг Канцлер ежегодно посылал знатоков этого дела на Нижегородскую ярмарку. Во время своих поездок в Гомель Румянцев успел также приобрести много замечательных рукописей. На счет его были отписываемы все редкие рукописи, хранившиеся в разных местах России, которых нельзя было приобрести, и в особенности рукописи библиотек: Московской Синодальной, Новгородской Софийской, Московского

архива Коллегии иностранных дел и многих других библиотек, большею частью монастырских.

Несмотря на преклонные лета свои, Канцлер готовился совершить еще многое. Он имел намерение издать “Древние путешествия россиян”. В состав этого собрания должно было войти 36 авторов. Граф Румянцев уже успел было собрать их всех, но смерть помешала этому предприятию.

Нельзя умолчать еще об одном пожертвовании, сделанном им в последние годы жизни в пользу русской истории. Желая поощрить к занятию отечественной историей учеников Киевской Духовной Академии, он положил на вечные времена капитал в 3000 рублей с тем, чтобы проценты с оно-го отдавались ежегодно за признанное лучшим сочинение студента Киевской Академии касательно русской истории.

Двенадцать лет, проведенных Румянцевым в уединении, лет тяжких, сопровождаемых все более и более усиливавшейся болезнью, были блистательною эпохой изысканий отечественных древностей. Вся тогдашняя историческая деятельность (с 1814 по 1826 год) сосредотачивалась около этого великого человека и патриота и жила более или менее значительными его жертвованиями. Умер этот неусыпный деятель, и историческая деятельность тотчас же прекратилась. Правительство, сознавая всю важность великой мысли графа Румянцева и не видя в частных лицах готовности поддерживать его предприятия, приступило само к исполнению того, чего не в силах был сделать даже и знаменитый Румянцев.

Оно положило издать все древние памятники отечественной истории, уцелевшие до наших дней», – писал Старчевский.

Скончался Николай Петрович Румянцев 3 января 1826 года и похоронен был в своем имении в Гомеле. Перед смертью Румянцев завещал словесно, «чтобы все богатое его собрание книг и других редкостей осталось для общей пользы».

Согласно его последней воле, не только все собранное им, но и дом на Английской набережной отошел казне для создания музея. И через пять лет, в 1831 году, в Петербурге был открыт «Румянцевский Музеум». В газете «Санкт-Петербургские Ведомости» появилось по этому поводу следующее объявление: «С 23-го ноября сего года Румянцевский Музеум открыт для публики на основании Высочайше утвержденного в 28 день мая 1831 года Учреждения сего Музеума, в коем § 2-м постановлено: каждый понедельник с 10-ти часов утра до 3-х пополудни Музеум открыт для всех, желающих осматривать оный. В прочие дни, кроме воскресных и праздничных, допускаются те посетители, кои намерены заниматься чтением и выписками в Музеуме, где могут они для сего оставаться – зимою с 10-ти часов утра до захождения солнечного, а летом с 10-ти часов утра до 8-ми часов вечера». На фронтоне здания сделали ту самую надпись, что впоследствии была повторена в Москве: «От государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение».

Штат музея состоял всего из четырех человек, и это в какой-то мере отражало отношение к новому просветительскому учреждению и со стороны власти, и со стороны общества. Неудивительно, что современники расценили основание Румянцевского музеума не началом, а концом развития его ценнейшей библиотеки. Читателей было негусто, а потому вся работа служителей состояла, как писал М. М. Клевенский, «в перестановке и в перешифровке книг, в составлении новых каталогов на старые фонды, в выдаче книг немногочисленным читателям. Но живой связи с современностью библиотека Музеума не имела, и в силу этого ее значение постепенно уменьшалось. Самостоятельное существование библиотеки через 20–30 лет после передачи музея в казенное ведомство было уже нецелесообразно».

Не прошло и пятнадцати лет, как самостоятельное существование музея пресеклось. В 1845 году Комитет министров решил присовокупить его к Публичной библиотеке «для сокращения потребных на содержание означенного Музеума издержек, упдающих большею частью на государственное казначейство». Говоря современным языком, это стало ярким примером оптимизации расходов на содержание объектов социальной сферы.

Управлять музеем в ранге помощника директора Публичной библиотеки был уполномочен Владимир Федорович Одоевский, известный литератор и общественный деятель. Человек неравнодушный, искренне надеявшийся изменить к

лучшему положению музея, постепенно превращающегося в склад экспонатов, он искал поддержки у директора Публичной библиотеки барона М. А. Корфа. На просьбу увеличения финансирования тот отвечал: «При всем желании моем быть угодным Вам и полезным Музеуму, эта мысль кажется мне недоступною, потому что потребовала бы миллиона или, по крайней мере, многих сотен тысяч».

Куда как проще, по мнению императорских чиновников, было бы просто ликвидировать музей, разбазарив его коллекции. Одоевский сражался за сохранение целостности собрания: «Их мысль просто ни на что не похожа, а именно: 1) Музеум раздробить: книги и рукописи в Библиотеку (Публичную. – *А.В.*), картины, монеты, минералы (!) в Эрмитажный Музеум. Следовательно, и название Румянцевского Музеума уничтожится. 2) Дом продать и деньги отдать в Министерство Народного Просвещения (!!!) под тем предлогом, что Румянцев назначил свое приношение – на просвещение вообще. Разумеется, что я против этого руками и ногами». Так возражал Одоевский на доводы специальной комиссии, определявшей проблемы музея в 1860 году.

Нужен ли был музей столице Российской империи с ее Эрмитажем? Этот вопрос все сильнее будоражил не только Одоевского. Денег на содержание музея не хватало, даже несмотря на сдачу в аренду помещений бывшего дома Румянцева на Английской набережной. Движимый желанием любой ценой не допустить раздела собрания, Одоевский ре-

шается «все здания Музеума продать; на вырученные деньги приобрести дом в Москве... и, расположив в оном коллекции Музеума, образовать из них первое основание Московской публичной библиотеки».

Процитированный отрывок содержится в интересном документе того времени – «Положение Румянцевского музея в С.-Петербурге до 1861 года», из которого мы узнаем: «Еще в 1860 году заведовавший Румянцевским музеем гофмейстер князь Одоевский, по поручению директора Императорской Публичной библиотеки барона Корфа, исчислил в записке, составленной для министра Императорского двора, все недостатки здания, где помещался Румянцевский музей, – недостатки, существовавшие со времени принятия его в казенное ведомство в 1828 году и с тех пор ничем не устраненные. Не имея средств сделать капитальные исправления в дурном устройстве зданий Румянцевского музея, в особенности в отоплении его и размещении коллекций, находившихся в соседстве жилых квартир, князь Одоевский, справедливо опасаясь, что исторические драгоценности, хранящиеся в Музее, могут сделаться жертвою пламени, предлагал следующие соображения...

Строительная контора Министерства Двора, на рассмотрение которой были переданы эти соображения, освидетельствовав дома, нашла, что все здание построено совершенно несообразно теперешнему его назначению, небезопасно от огня, чрезвычайно холодно и находится в весьма ветхом ви-

де. Из дел оказалось: 1) что здание и в 1828 году было в подобном же состоянии; 2) что оставленный графом Румянцевым капитал в 34 тысячи ассигнациями едва оказался тогда достаточным для исправления только малого дома и приспособления его под частные квартиры; 3) что в 1847 году уже было сделано представление о неудобном и опасном помещении Музеума; 4) что, по мнению капиталов для приведения в порядок домов, предлагалось даже одно время разыграть малый дом в лотерею.

Впоследствии, неоднократно, при заявлении тех же неудобств, представлялись соображения о перенесении коллекций графа Румянцева в Императорскую Публичную библиотеку, или эрмитажные залы, или в другие ученые учреждения, с помещением их в особом отделении, под названием “Румянцевского”, но все эти соображения не могли осуществиться.

Румянцевский музей принадлежал просвещенному частному лицу и составлялся по различным отраслям наук одинаково, из любви вообще к просвещению, с оттенком только исключительного направления. Несмотря на несколько действительно драгоценных рукописей Румянцевской библиотеки, замечательных даже в сравнении с находящимися в Императорской Публичной библиотеке, эта последняя, благодаря 10-летнему неутомимому и труду и деятельности директора ее барона М. А. Корфа и его помощников, приняла такие огромные размеры, сделалась столь доступна пуб-

лике, что обрекала библиотеку Румянцевского музея почти на полное забвение, если бы к этому и не присоединялось неудобство помещения и пользования ею, в особенности в зимнее время. Эрмитажная коллекция, при своем богатстве, точно так же ничего не выигрывала от присоединения к ним коллекций графа Румянцева, если бы даже между ними и было место для последних. Другие ученые учреждения также по своим специальностям не могли принять в совокупности в свой состав разнородных коллекций Румянцева, кои, во всяком случае, оставаясь в Петербурге и переместившись куда-либо в другое место, хотя и не утратили бы конечно имени завещателя, но утеряли бы навсегда смысл завещания, ибо неизбежно были бы поглощены богатейшими и более специально составленными собраниями, в состав кои они бы таким образом вступили.

Между тем по характеру своего составления коллекция Румянцева могла удовлетворить именно только смыслу начинания, заключая в себе по многим отраслям знания только начатки, и ничего полного; следовательно, исполнив свое назначение в Петербурге, Румянцевскому музею нужно было искать новый источник деятельности по воле завещателя “на благое просвещение”. Проще всего представлялась мысль, перенесением его в новый центр, вызвать живые силы к развитию учреждения, подобным которому владеют многие второстепенные города запада, а потому и справедливее всего было начать у нас в России со второй нашей древней-

шей столицы, лишенной до сих пор такого учреждения».

А в Москве ни своего Публичного музея, ни общедоступной библиотеки не было. Хотя поборников их создания было немало. Был среди этих людей человек, подобно Румянцеву собиравший свою коллекцию древностей. Мы говорим о знаменитом московском общественном деятеле, писателе и журналисте, профессоре Московского университета Михаиле Петровиче Погодине. Бывший крепостной графа Ростопчина, добившийся в жизни многого благодаря своей исключительной любознательности и интеллекту, Погодин собирал свое «древлехранилище» в усадьбе на Девичьем поле.

Как писал знавший Погодина Н. В. Берг, «он стал собирать старопечатные книги и редкие рукописи, потом монеты, картины, портреты, оружие, что ни попало, лишь бы это касалось русской истории, и довольно скоро составил очень редкую коллекцию замечательных предметов. В особенности выдавался рукописный и старопечатный отделы, где были прямо (весьма редкие) фолианты. Имя Погодина как собирателя – знатока всякой старины – сделалось известным в Москве всем и каждому. Кто бы ни добирался каким ни на есть путем до редкой рукописи, монеты, картины, – нес ее прежде всего к Погодину, а потом уже к купцу Царскому, хотя Царский был собиратель и знаток с большими средствами, но не столько компетентный, сколько бестолковый, дававший иногда за вещь, которой цены не было, – какие-нибудь пустяки; а Погодин сразу говорил, чего принесенный

предмет стоит, и дело большей частью кончалось без особенно длинных разговоров, иной раз даже через лакея, а не лично».

Погодин желал сделать свое собрание общедоступным для всех москвичей. Еще в 1851 году он просил Николая I: «Повелите, Всемилостивейший Государь, учредить в Москве всероссийский народный музей, повелите принять в основание мои тридцатилетние собрания, поручить их моему заведованию, и я в скором времени берусь привести его в такое положение, что ему подобного в России не бывало».

Завистники, однако, говорили другое: «Думая о своей семье, состоявшей из жены, двух сыновей и двух дочерей, об их воспитании, об их будущем, а главное – о приданом дочерей, Погодин решился расстаться со своими сокровищами, стоившими ему стольких хлопот, лишений, жертв, – пристроить их к хорошему месту, получить серьезные деньги и разделить их между детьми. Знакомых у него в разных кругах Петербурга и Москвы была тьма-тьмушая – всяких рангов и положений. Практический и сообразительный “мужичок” Девичьего поля направился по этому делу прямо к такому лицу, которое могло представить собрание отечественных редкостей надежнейшему приобретателю: государю Николаю Павловичу. Лицо это было – известный барон (позже граф) Модест Андреевич Корф, тогда директор императорской публичной библиотеки, статс-секретарь, автор книги “Первые дни царствования императора Николая

Павловича”, которому государь при встречах обыкновенно протягивал руку. Корф уладил дело скоро: “древлехранилище” Погодина приобретено казною за полтораста тысяч рублей и поступило известной частию (рукописей и старопечатных книг) в ведение императорской публичной библиотеки... Между тем явились праздные болтуны, которые трубили везде, что Погодину заплачена чересчур большая сумма; что все это старое, ничего не стоящее тряпье».

Мир тесен, как говорится. Тот же барон Корф, что отказывал Одоевскому в развитии Румянцевского музея, прибрал к рукам и коллекцию Погодина, осевшую в Публичной библиотеке и Эрмитаже. А Москва так и не получила своего национального музея. В будущем (в 1878 году) вдова Погодина все же передаст в Пашков дом рабочую библиотеку мужа, но сказать, что таким образом восторжествовала справедливость, было бы слишком.

А тем временем все шло к своему логическому продолжению. Окончательное решение принял Александр II. Увлеченный в то время реформой по отмене крепостного права, он тем не менее затею Одоевского одобрил и поручил серьезно изучить этот вопрос Комитету министров, который постановил: «Румянцевские дома и места, им принадлежащие, продав, обратить вырученную сумму в распоряжение Министерства народного просвещения с тем, чтобы, руководствуясь точным смыслом именного Высочайшего указа Правительствующему сенату, от 22 марта 1828 года данного, она

составила неотъемлемую собственность всего учреждения и, с переводом последнего в Москву, следовала за ним в полном количестве для употребления ни на что иное, как только на содержание и умножение коллекций графа Румянцева. Таковое мнение Комитета министров удостоилось Высочайшего утверждения, 23 мая 1861 года».

А как отнеслась к идее переноса Румянцевского музея в Москву петербургская общественность? Мало сказать, что неодобрительно. В центре поднявшейся волны возмущения оказался неутомимый критик В. Стасов. В своих записках «Румянцовский музей. История его перевода из Петербурга в Москву в 1860–1861 годах», напечатанных в журнале «Русская старина» в 1882 году, он гневно негодует по этому поводу. «История этого дела представляет несколько интересных подробностей, которые наверное будут любопытны многим у нас. Тут рисуются образ мыслей, характеры, взгляды, понятия людей тогдашнего времени, одних в хорошую, других в дурную сторону. Случай заставил меня играть некоторую роль в этом деле, и потому мне известны, как очевидцу и свидетелю, разные подробности, вовсе не известные многим другим. Поэтому я и считаю полезным сохранить эти факты на страницах “Русской Старины”. Мне кажется, некоторые из них имеют значение вполне историческое. Что же касается до большинства официальных фактов, также до сих пор не появившихся еще в печати, то они почерпнуты мною

из подлинных дел, хранящихся в архивах Министерства Народного Просвещения и Румянцовского музея.

В конце 1850-х годов мне случилось часто бывать в Румянцовском музее. Я задумал тогда сочинение, где намерен был исследовать происхождение и характер главных славянских архитектурных и орнаментальных стилей, а для этого мне нужно было начать с того, чтоб изучить рисунки славянских рукописей, как самых надежных для моей цели, самых разнообразных и неизменных памятников древности. Понятно, что свои разыскания я должен был начать раньше всего с великолепных собраний нашей Публичной Библиотеки и Румянцовского музея. Поэтому я делил все свободное свое время пополам, и половину его проводил в читальной зале Библиотеки, а половину – в читальной зале Румянцовского музея.

Никакая разница не могла быть поразительнее той, которую представляли оба эти учреждения. Публичная Библиотека уже лет с десять шла тогда на всех парах и с каждым днем все более и более хорошела и расцветала, с каждым днем становилась все блестящее, полнее и привлекательнее. С 1849 года директором ее сделался барон Модест Андреевич Корф, и представлял собою образец того, до какой высоты можно довести великое общественное дело, когда на его рост и развитие положишь все свои силы, когда сделаешь его главным делом своей жизни, когда думаешь о нем и день и ночь и не щадишь для него никаких трудов и забот.

Барон Корф был членом Государственного Совета, сверх того заседал во множестве больших и малых комитетов, бравших у него много времени, но главное его дело была постоянно Публичная Библиотека. Он любил ее со страстью, предан был ей беспредельно, и потому в короткое время достиг успехов самых неожиданных и самых великолепных. Значительные покупки целых коллекций, больших и малых собраний, книг и рукописей шли непрерывной полосой одни за другими, пожертвования частных лиц книгами и рукописями сыпались со всех сторон; но в то же время обновился и весь внешний вид Библиотеки: залы ее, из мрачных и запущенных, какими были много десятков лет, превратились в светлые, приветливые; публика начала ходить толпами в открытую для всех публичную читальную залу, долгое время пустынную и почти никому не известную; количество людей, занимающихся там, стало возрастать тысячами. В течение 1850-х годов Публичная Библиотека сделалась одним из самых популярных, самых общеизвестных и общелюбимых мест русской публики, желающей и нуждающейся заниматься делом. Можно сказать, Публичная Библиотека сделалась даже чем-то модным.

Какая разница Румянцовский музей! Это был старый барский дом, запущенный и позабытый, состарившийся без поправок, словно старинный сад, когда-то светлый и чудесный, но где теперь все дорожки заросли и одичали, где разрослась дремучая зелень и где ходишь в густом мраке и унылом запу-

стении. Когда, бывало, придешь в Румянцовский музей, тебя обдавало холодом и тоскою, начиная уже с лестницы его, с сеней, где стены были, точно в крепости, почти в сажень толщиной, и немногие окна, глубоко посаженные, пропускали скудный и мрачный свет, как в тюрьме. Большая зала наверху, когда-то бальная и парадная зала графа Румянцева, представляла образец запущенности и разрушения. Высокие своды, темные и скучные, были наполнены трещинами и пятнами, все полы покривились и потрескались, и когда один из немногих посетителей проходил по этой зале и по другим, с нею смежным, раздавался треск и скрип рассохшегося дерева. Печально глядели, местами, трофеи из прежней великой деятельности графа Румянцева – группы весел, копий, стрел, луков и колчанов, привезенных из кругосветных путешествий, снаряженных Румянцевым на его свой собственный счет. Трофеи эти стояли теперь печально и пустынно в огромной темноватой зале, наклоняясь над небольшими витринами, старинного покроя, времен Наполеона I, где покоились пыльные и осиротелые коллекции минералов, когда-то тоже собранные Румянцевым с разных концов света, а теперь не обозреваемые ничьим глазом. Маленькая читальная зала, помещавшаяся в одном из углов бывшей квартиры графа Румянцева, заключала всего несколько столов желтого дерева с черной кожаной крышкой вверху, вдвинутых среди тесной толпы книжных шкафов и старинных кресел, тоже желтого дерева, загромоздивших комнату.

В комнате этой, как и во всем доме, полы скрипели и корбились, было холодно и тоскливо, зимой все окна были затянуты густым инеем и пропускали лишь тусклый матовый свет. Сам воздух был тоже какой-то старинный, пахло чем-то затхлым и архивным. Но все выкупалось теми чудесными сокровищами, для которых приходили люди в этот старинный, забытый амбар. Никого не интересовали книги графа Румянцева: все это были, почти сплошь, издания прошлого века, устарелые, редко нынче уже кому нужные, давно обогнанные и упраздненные новой наукою, и потому печально тлевшие в старых своих переплетах на полках старых своих шкафов: их уже больше никто теперь не спрашивал.

Зато рукописи, собранные Румянцевым ценою долгих усилий и трат, собранные в течение многих лет со страстью знатока и глубоким знанием искреннего ученого, рукописи из всех эпох русской исторической жизни, часто с великолепными и драгоценными миниатюрами, заключали интерес колоссальный. Их собрание было, конечно, одною из величайших достопримечательностей Петербурга, это было нечто такое, чем наш город мог гордиться наравне с Эрмитажем, с Публичной Библиотекой, одним словом со всем, что только у нас есть самого великого, самого значительно-го, самого редкого и самого великолепного. Да прибавьте к этому, что этакое-то чудесное, глубоко национальное собрание, которым Петербург мог славиться перед целой Европой, было накоплено громадными усилиями и громадными

затратами одного-единственного частного человека и завещано им своему народу! Какой славный, какой редкий монумент русской гражданской доблести, какой чудный памятник истинного исторического русского человека. Наверное, такие мысли наполняли голову многих, приходивших проводить долгие часы над рукописями покойного государственного канцлера; наверное, многие из них с глубоким почтением осматривали стены и залы, среди которых Румянцев копил для русского народа свои сокровища, и забывали печальный вид опустелого, состарившегося, глубоко обветшавшего, совсем опустившегося барского дома на Неве. Не раз мне приходилось вести разговор в этом смысле с прилежными посетителями Румянцовского музея, когда, после пробившего звонка, мы спускались вниз по лестнице, чтоб уходить вон.

И вот однажды, зимой с 1860 на 1861 год, пришел ко мне в Публичную Библиотеку один знакомый (купец Иван Каратаев, библиофил. – *А.В.*), весь век возившийся с книгами и рукописями, сам ревностный собиратель и уже собственник довольно богатой коллекции. Он был в сильном негодовании, он был почти в ярости. “Знаете ли, что теперь делается? – сказал он, отведя меня в сторону. – Румянцовский музей хотят выбросить вон из Петербурга. Уверяют, что он здесь не нужен, что он тут совершенно лишний. Его хотят выпроводить в Москву, чтоб он там сделался началом большой публичной библиотеки”. – “Как, может ли быть?” – “Да,

это уже дело решенное. Уже и представление пошло. Через несколько месяцев станут перевозить музей в Москву, а дом Румянцева продадут!” – Я был поражен. Как? продавать исторический, народный памятник! Продавать дом Румянцева, пожертвованный русскому народу, один из редких монументов великой любви и преданности народу, глубокого желания быть ему в самом деле полезным! Я был глубоко поражен, я не верил, чтоб такой варварский проект мог существовать, чтоб решено было приводить в исполнение такую невозможную, на мои глаза, вещь.

Я сообщил невообразимую новость нескольким молодым людям, столько же, как и я, ценившим Румянцовский музей и видевшим в нем народную славу. Они тоже не хотели верить, но пришлось нам поверить, когда мы пошли за справками, и тотчас же убедились, что да, правда, намерение уничтожить Румянцовский музей в Петербурге в самом деле существует и что дело в ходу, хотя содержится под порядочным секретом. Это глубоко возмущало нас. Из числа этих знакомых мне всего ближе был тогда Владимир Ив. Ламанский, с которым мы постоянно встречались в Публичной Библиотеке (он состоял там в числе молодых “вольно-трудящихся”, заведенных в то время бароном Корфом): нас соединяли многие общие интересы, общие научные и отечественные взгляды, мы были приятели. Убедившись оба, что Румянцовскому музею действительно грозит опасность и что времени терять нечего, мы решили, что надо попробовать

остановить это некрасивое дело, если есть еще какая-нибудь возможность.

Мы начали с того, что повидались со всеми главными учеными петербургскими, академиками и профессорами, и передали им новость про Румянцовский музей. Все были поражены не меньше нашего и точно так же не хотели сначала даже верить. Печатные протесты были в то время в большом ходу у нас везде, и к ним часто прибегали люди самых разнообразных общественных настроений. Протест получил следующий вид:

Заявление.

“В Петербурге пронесся слух, что Румянцовский музей будет переведен в Москву, самое здание продано, а собрание рукописей, книг и прочие коллекции переданы в Московский университет. Главное значение музея заключается в его рукописях, незаменимых, как единственных в своем роде. Долгом считаем выразить наше убеждение, что такое нарушение прав Петербурга на один из его лучших исторических памятников было бы невоснаградимою потерей для здешних исследователей русской истории и древности. А. Восток. – Н. Булич. – Н. Благовещенский. – А. Вицын. – К. Кавелин. – Н. Костомаров. – В. Ламанский. – П. Пекарский. – А. Пыпин. – И. Срезневский. – В. Стасов. – М. Сухомлинов”.

Говорят: это должно быть сделано потому, что в Москве необходимо устроить публичную библиотеку, а Румянцовский музей в Петербурге лишний: им пользуются слишком *мало*, а в Москве, напротив, будут пользоваться *много*; там он послужит основанием, ядром будущей публичной библиотеки, около которого станут группироваться будущие приращения.

Но оба эти резона в полной мере не логичны. Какая же связь между тем, что в Москве надо устроить публичную библиотеку и что в Петербурге есть Румянцовский музей? Неужели московская библиотека не может быть основана без Румянцовского музея, и только один Румянцовский музей может сделать то, что явится на свет московская публичная библиотека? Никто, конечно, не станет спорить против того, что Москве библиотека нужна, и можно только жалеть, что ее там до сих пор нет. Но за что же лишать, по этому случаю, Петербург того, что принадлежит ему вследствие события исторического – патриотического подвига государственного канцлера графа Румянцева, лишать Петербург того, что составляет его гордость?

Говорят, будто в Москве сокровища Румянцовского музея будут полезнее, чем в Петербурге. За что такое унижение Петербурга, за что такое непомерное превознесение Москвы? И кто может быть не то что судьей, а пророком в этом вопросе? Для этого нужна была бы какая-то невообразимая и невиданная комиссия, которая решила бы, что все сделан-

ное до сих пор петербургскими учеными, на основании Румянцовских рукописей, мало или ничтожно, а Москва будет работать совершенно иначе. Не надо забыть того, что классические сочинения, хотя бы одного только Востокова, почти исключительно опираются на Румянцовский музей...

Любопытно также было узнать: мыслимо ли было бы, чтоб Париж, Лондон, Берлин или Вена согласились бы отправить в Реймс, Лион, Бордо или Гавр, – и Йорк, Дублин, Эдинбург или Оксфорд, – в Лейпциг, Кассель, Йену или Штутгарт – одну из своих капитальных библиотек, да еще преимущественно состоящую из наидрагоценнейших рукописей? Конечно – никогда!

Говорят тоже: у нас нет денег на то, чтоб поддерживать в должном виде Румянцовский музей. Но тогда пусть будет объявлена публичная подписка, и верно соберется довольно рублей на то, чтоб починить дом – да еще какой дом! Дом исторический, дом, пожертвованный русскому народу государственным канцлером графом Румянцевым, дом, где он жил, собирал многие десятки лет великие интеллектуальные сокровища для образования и возвышения этого народа!

(...) Но кроме всех этих доводов есть еще один, самый важный, который, несмотря на это, был совершенно позабыт авторами проекта о переводе Румянцовского музея из Петербурга в Москву. Это именно тот, что Румянцовский музей есть собственность не казенная, а народная. Канцлер Румянцев завещал русскому народу и все сокровища науки, им

собранные, и дом, где сам жил. Всякий народ гордится такими фактами своей истории, всякий народ старается увековечить не только факт, но и все, что относится к высокой личности, его произведшей. В Париже или Лондоне не только никому не пришло бы в голову спустить “по вольной продаже” дом Румянцева, но его берегли бы на веки веков как зеницу ока, его держали бы чуть не под стеклянным колпаком. Быть может, назвали бы именем Румянцева соседнюю улицу, площадь. У нас – собираются вычеркнуть его вон посредством аукциона!

Румянцовский музей известен по всей Европе. И вдруг, в один прекрасный день, он вытерт вовсе, как резинкой.

Какой пример и наука будущим патриотам, когда они будут знать, что у нас нет ничего твердого, ничего прочного, что у нас все что угодно можно сдвинуть, увезти, продать!

Года два назад в Лондоне зашла речь о том, чтоб по крайней тесноте места перевести Британский музей из одного квартала Лондона в другой. И что же? Общественное мнение поднялось одной массой, парламент был засыпан представлениями и просьбами о том, чтоб этого не делали. “Как! трогать Британский музей с места, заговорили все. Нет, это не хорошо, этому не следует быть. Пускай скупают кругом дома, кварталы, по какой бы то ни было цене, но чтоб Британский музей не был тронут с места”. Так оно и сделалось. Все только потому, что там понимают, что такое значит историческое чувство, уважение сердечного патриотизма отдель-

ных лиц, народная гордость. В Лондоне не стали бы справляться с буквой какого-то завещания, не стали бы доискиваться, с ревностью буквоеда, что Румянцев сказал и чего не договорил в своем завещании. Посмотрели бы на дело в общей его сложности и больше всего похлопотали бы о том, чтоб пожертвованное народу достояние не ездило с квартиры на квартиру и чтоб заключающий его дом остался на веки цел».

Мы привели далеко не весь текст Стасова, но он вполне заслуживает цитирования. Ибо тема противостояния между петербургскими и московскими учеными, между общественностью двух столиц не стала менее животрепещущей. Один уж возглас Стасова: «За что такое унижение Петербурга, за что такое непомерное превознесение Москвы?» — чего стоит. При чем же здесь унижение? Дело в другом. Три десятка лет прозябал и ветшал Румянцевский музей в Петербурге, о чем мы узнали из процитированного «Положения...». И вдруг, когда появилась возможность его спасти, подняли бунт питерские общественники, говорят, даже сходку в университете устроили. Так что же они молчали раньше? Перенос музея в Москву — это не вопрос превосходства одного города над другим, а решение давно назревшей проблемы сохранения коллекции. И ведь какое найдостойнейшее место выбрали москвичи для музея — в самом центре, напротив Кремля.

Москвичи в не меньшей обиде на Петербург. Эрмитаж

никак не отдает обратно собрание импрессионистов, переданное из Музея изобразительных искусств им. Пушкина в 1940-х годах. Можно, вероятно, предложить обмен: мы им Румянцевский музей, а они нам Моне, Ренуара, Сезанна, Пикассо и других, которых собирали в своих московских усадьбах Щукины да Морозовы. Пока эта идея пришла в голову лишь автору этой книги, чего вполне достаточно. Ведь если подобное начнется, конца видно не будет. Нам только дай волю...

Владимир Одоевский, узнав об окончательном решении Комитета министров перевезти музей в Москву (где он, кстати, родился), не скрывал радости: «Музеум обезопасен от верной неминуемой гибели. А со мною что будет, то и будет, авось не останется втуне моя 16-летняя должность верной собаки при музеуме. Хотелось бы и мне в Москву – нет при нашей скудности никакой возможности жить далее в Петербурге». Ему вторили и московские «Библиографические записки»: «Носится слух, что Румянцевский музей переводится из Петербурга в Москву. Богатое собрание русских и славянских рукописей этого музеума может быть лучшим основным камнем для будущей Московской публичной библиотеки. Естественно, что возможно скорейшее осуществление этого слуха – одно из задушевнейших желаний московских ученых, литераторов и библиофилов. И кто знает, может быть, перевод Румянцевского музеума станет побудительною причиной для некоторых владельцев библио-

тек, книги которых, под сотнями печатей, гниют безо всякой пользы для них и для общества, пожертвовать принадлежащие им собрания для городской публичной библиотеки в Москве. Мы, со своей стороны, вполне убеждены, что все, пользовавшиеся до сих пор Румянцевским музеем в Петербурге, не только не будут огорчены переводом его в Москву, но деятельно, насколько это зависит от них, помогут и порадуются вместе с нами осуществлению этой прекраснейшей мысли. При книжных сокровищах Императорской публичной и других библиотек в Петербурге такая уступка Румянцевского собрания Москве не должна быть чувствительной потерей для петербургских ученых и библиофилов; но что гораздо важнее, она лучше всего докажет в то же время, что светлая мысль о разлитии умственных сокровищ по всей России явно берет верх над старой мыслью стягивания такого рода сил только к одному центральному пункту».

Московский учебный округ выделил музею самое лучшее свое здание. В переводе музея в Москву был еще один резон. Петербург – город чиновничий, а Москва – купеческий. Первопрестольная могла дать фору столице по числу благотворителей. Недаром попечитель Московского учебного округа генерал-майор Николай Васильевич Исаков, сыгравший большую роль в организации переезда коллекции и добившийся подписания соответствующего царского указа, писал: «Румянцевский музей создавался в Москве так, как создаются храмы Божии – без всяких средств, только жертвами

Летом 1861 года закипело в Пашковом доме строительство. Князь В. Д. Голицын в книге «Записка о Румянцевском музее» отмечал: «Еще с лета 1861 года здание начали приспособлять под музей; после нескольких ремонтов в нем постепенно были произведены большие переделки». Появились обширные залы, устроены были каменные своды, деревянные перекрытия заменили железными, а голландские печи – духовыми. На фасаде дома начертали: «От государственного канцлера Румянцева на благое просвещение». Работы велись на деньги московских купцов Солдатенкова и Попова. А перевезли коллекции музея на деньги купца Харичкова. «Дело образования Московской публичной библиотеки, – писали “Библиографические записки”, – окончательно упрочено. Фундамент ее – Румянцевский музей со всеми своими сокровищами, не исключая ничего из них, уже переправлен в Москву... Превосходный выбор местности и помещения (в бывшем доме Пашкова, близ университета) новой библиотеки, живое участие к этому делу начальства университета и два этих драгоценных собрания, как Румянцевский музей и библиотека Московского университета, лежащие в основание московского книгохранилища, служат лучшим ручательством того, что самая организация и состав управления библиотеки быстро продвинутся вперед и оправдают вполне возбужденные этим истинно современ-

ным и прекрасным делом ожидания публики. Нельзя не порадоваться также и тому, что, как видно из “Московских ведомостей”, частные лица начинают понемногу пожертвования в возникающую библиотеку; незначительные пока еще от разных лиц приношения книгами... указывают дорогу и другим жертвованиям, число которых, как мы думаем, не перестанет расти и увеличиваться. Искренне сочувствуя и радуясь образованию так долго недостававшей Москве публичной библиотеки, мы считаем долгом предложить всем русским библиофилам и всем, кому дорого возникновение новой жизненной силы для нашего развития и образования, доставлять все жертвования в пользу библиотеки в контору редакции “Библиографических записок” при книжном магазине Н. М. Щепкина и компании в Москве. О всяком жертвовании мы заявим в нашем журнале и не замедлим сдать его по принадлежности».

Что именно привезли в Пашков дом? Сегодня мы можем подробно об этом узнать:

- «1) Собрание рукописей 810.
- «2) Собрание печатных книг 28 744.
- «3) Медалей греческих, римских и восточных 1 695.
- «4) Минералогический кабинет, числом 12 419.
- «5) Скульптурные предметы:

Из мрамора:

- а) Статуя мира (Кановы).

б) Изображение Задунайского.

в) Бюст его же.

Бронзовые:

а) Бюст государственного канцлера графа Румянцева.

б) Адмирала Крузенштерна.

в) Адмирала Лисянского.

г) Статуя фавна (вылитая с подлинника Мартоса).

б) Картины:

а) Портрет, в рост, покойного государственного канцлера (работы Доу).

б) Три таковых же портрета членов его семейства.

в) Картина, представляющая торжественное шествие Екатерины II в завоеванные у турок земли (работы Торричелли) 1733 г.

«7) До 170 предметов этнографических, привезенных из кругосветного плавания Крузенштерном и Лисянским и относящихся большею частью к Алеутским и Сандвичевым островам».

С самых первых дней своего московского существования румянцевская коллекция стала пополняться новыми экспонатами. Собрание крепло, богатело «путем частных дарений и общественного почина», как писали в конце XIX века. В сентябре 1861 года московский генерал-губернатор П. А. Тучков обращался к попечителю Московского учебного округа, что «в видах содействия к успешному устройству переводимого в Москву по высочайшему повелению Румян-

цевского музея предложено было мною некоторым из московских жителей принять участие в добровольных пожертвованиях, необходимых к скорейшему приведению в исполнение высочайшей воли»⁴. Несколько сот книжных и рукописных коллекций, отдельных бесценных даров влилось в библиотечный фонд Московского публичного и Румянцевского музеев.

Пример обществу показал государь, став вторым после Румянцева крупнейшим благотворителем. Первый дар от Александра II поступил в 1861 году. Это была картина Александра Иванова «Явление Христа народу», для которой построили специальный «Ивановский зал». Сам император и другие члены царской фамилии приносили в дар музеям бесценные книги и предметы, посещали их неоднократно, о чем свидетельствует «Книга для записывания имен посетителей Библиотеки Московского публичного и Румянцевского музеев с 1 июля 1862 г. по 10 ноября 1926 г.». Попечителем музеев с самых первых лет был член царствующей фамилии, а с 1894 года сам император стал покровителем Московского публичного и Румянцевского музеев.

Вот как писал об этом уже упомянутый нами князь Голицын: «Государь (Александр II) соизволил и на перенос Румянцевского музея в Москву, и на учреждение при нем Московского публичного музея выдать из казны и сам стал вто-

⁴ Васькин А. А. От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа. М., 2009. С. 146.

рым его крупнейшим жертвователем, купив для него на собственные средства картину А. А. Иванова “Явление Христа народу” и знаменитое прянишниковское собрание картин и повелел отобрать для Императорского музея из Эрмитажа копии и картины, а также повелел впредь даром доставлять Румянцевскому музею для его Библиотеки по одному экземпляру каждого выходящего в России издания... С легкой руки Высочайшего почина пожертвования, можно сказать, посыпались на новоселье Румянцевскому музею, одними из первых отозвались Августейшие братья Государя Великие князья Михаил и Николай Николаевичи, передавшие музею богатейшую библиотеку своей матери императрицы Александры Федоровны, единственную по обилию художественных альбомов и ценности и красоте переплетов. За ними последовал целый ряд образованных вельмож и меценатов того времени, обогативших музей своими дарами»⁵.

Пример оказался заразительным. Дары потекли полноводной рекой. Так, в 1861 году Кузьма Солдатенков одарил музей тремя тысячами рублей (для сравнения: вся Москва выделяла такую же сумму ежегодно), кроме того каждый год он перечислял музею по 1000 рублей серебром. По завещанию купца вся его библиотека и коллекция живописи отошли к музею, увеличив собрание изящных искусств вдвое. Славянофил А. И. Кошелев подарил 25 000 рублей сереб-

⁵ Голицын В. Д. Записка о Румянцевском музее. М., 1911. С. 10.

ром, дочь библиофила и государственного деятеля К. М. Бороздина преподнесла в дар около 4000 томов книг. Всего же в музей поступило более трехсот частных даров, пожертвований, завещанных коллекций.

В 1862 году Александр II одобрил «Положение о Московском публичном музее и Румянцевском музее», отныне в Пашковом доме находились первые общедоступные музеи Москвы, состоявшие из восьми отделений: рукописей и редких книг, изящных искусств и древностей, христианских древностей, зоологическое, этнографическое, нумизматическое, минералогическое. Особый интерес вызывала зоологическая коллекция, благо что по воскресеньям вход был бесплатным.

Меценаты и благотворители опекали музеи постоянно. Сохранилось письмо директора музеев В. А. Дашкова министру народного просвещения, написанное в 1870 году. Обеспокоенный «крайне обветшалым» состоянием зданий музеев, Дашков писал, что средств, отпущенных министерством (7226 рублей) для исправления этого положения, явно недостаточно и что он вынужден был обратиться к содействию купца А. А. Захарова. За это император пожаловал «московскому 2-й гильдии купцу, из крестьян, Алексею Захарову, золотую медаль с надписью “За усердие” для ношения на шее на Аннинской ленте за пожертвование его в пользу Московского публичного и Румянцевского музеев».

О Василии Андреевиче Дашкове следует рассказать осо-

бо, он был не только директором музеев в 1867–1896 годах, но и меценатом, подарившим музеям этнографическую коллекцию, известную как Дашковский этнографический музей. Он был сыном сенатора Андрея Васильевича Дашкова и племянником министра юстиции Дмитрия Васильевича Дашкова, от которых и унаследовал свои недюжинные организаторские способности. Немалую роль сыграло и его большое личное состояние.

В Румянцевский музей Василий Андреевич вошел как рачительный хозяин. Благодаря его содействию и пожертвованиям в 1865 году Общество любителей естествознания открыло в Манеже Русскую этнографическую выставку. После завершения работы выставки все экспонаты общей стоимостью свыше 75 тысяч рублей были выкуплены Дашковым и переданы заведению, в котором он директорствовал. Именно эта коллекция и стала Дашковским этнографическим музеем. Постоянно расширяемый, музей просуществовал до 1924 года.

В 1882 году Дашков передал музеям галерею изображений выдающихся русских деятелей, создававшуюся его тщанием в течение шестнадцати лет. В то время оно состояло из 243 портретов в натуральную величину, скопированных с подлинников лучшими русскими художниками – Крамским, Репиным, Васнецовым... Впоследствии галерея не переставала пополняться, и в итоге число портретов в ней перевалило за 300.

Попечением Дашкова были изданы также «Материалы для исторического описания Румянцевского музея» (М., 1882) и «Сборник материалов по этнографии» (М., 1886–1888). На его личные средства производились ремонт коллекций, устройство выставок и юбилейных музейных торжеств.

Публичный и Румянцевский музеи, помимо картинной галереи и этнографических коллекций, славились также своей библиотекой, по значению претендовавшей на третье место среди книгохранилищ России. Первый читальный зал библиотеки открылся 2 января 1863 года. Он был невелик – всего на 20 мест. В 1879 году на втором этаже левого флигеля со стороны Знаменки открылся еще один читальный зал, на 170 мест. А в 1915 году в центральном корпусе открылся читальный зал на 300 мест.

Расширение читальных залов и книгохранилищ проводилось за счет постепенного перемещения из Пашкова дома отделений музея. Еще в 1914 году библиотека вытеснила оттуда в другое, специально построенное по соседству помещение – картинную галерею. Спустя 10 лет та же участь постигла и этнографическое отделение музея – так много книг хранилось в библиотеке, пополняемой, согласно утвержденному Александром II «Положению о Московском публичном музеуме и Румянцевском музеуме», обязательными экземплярами от всей печатной продукции, издававшейся на территории Российской империи. И хотя денег на библиотеку

не отпускалось до 1913 года, ее книжный фонд рос непрерывно. Если на 1 января 1864 года в библиотеке было только 100 тысяч единиц, то на 1 января 1917 года – уже 1 200 000 единиц хранения.

Право на получение обязательного экземпляра библиотека обрела вслед за петербургскими Публичной библиотекой и Библиотекой Академии наук. Таким образом, обязательные экземпляры составляли 80 % книжного фонда. Другим источником комплектования библиотеки были переданные ей частные коллекции, дары, пожертвования, завещания. Таких дарений насчитывалось в книжном фонде свыше 300.

Ученый и путешественник, участник войны 1812 года А. С. Норов передал библиотеке коллекцию редких отечественных и зарубежных книг числом в 16 тысяч единиц, в том числе 155 инкунабул, то есть книг, изданных до 1 января 1501 года.

Среди дарителей также были библиограф С. Д. Полторацкий, композитор М. Ю. Виельгорский, философ П. Я. Чаадаев, ученый Ф. В. Чижов, дипломат К. А. Скачков и многие другие. Музеям приносили в дар рукописи А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, рукописи декабристов. А писательница Е. С. Некрасова, долгие годы собиравшая материалы, имеющие отношение к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, передала все эти документы и материалы в библиотеку, где при содействии директора музеев ученого М. А. Веневитинова был создан первый

музей общественного движения в России – «Комната людей 1840-х годов».

Кто только не был читателем Румянцевки, не говоря уже о крупнейших русских писателях той эпохи. Лев Толстой ходил сюда как в дом родной. И не только почитать книги, но и пообщаться в том числе и с легендарным библиотекарем, по совместительству философом-космистом, Николаем Федоровичем Федоровым (1828–1906). Про него говорили, что спит он на голом сундуке, а ест один хлеб. Вполне возможно, ведь свою зарплату он тратил на покупку книг для библиотеки, а потому одет был более чем скромно. Некоторые читатели, впервые оказавшись в Румянцевке, даже могли дать Федорову на чай, не понимая, кто перед ними находится.

Пашков дом на рубеже XIX–XX веков

Федоров высказал идею о создании на бельведере Пашкова дома скульптуры коленопреклоненного прусского императора Фридриха Вильгельма III, дочь которого Фридерика Шарлотта Вильгельмина стала супругой Николая I и известна у нас как императрица Александра Федоровна. Ее библиотека была размещена под тем самым бельведером, на котором стояли прусские гости, и являлась одной из ценнейших книжных музейных коллекций, насчитывавшей девять тысяч томов произведений немецкой классической литературы.

А чай Федоров любил попить с Львом Толстым. В один прекрасный день чаепитие не состоялось. То ли кипяток остыл, то ли сахару оказалось маловато – великий писатель, показав на книги, с присущей ему прямоотой заявил: «Ах, если б все это сжечь!» Федоров схватился за голову, закричав: «Боже мой! Что вы говорите! Какой ужас!»

В Пашковом доме наряду с рукописями Пушкина, Гоголя, Достоевского хранились и рукописи толстовских романов. Однако в 1904 году ввиду ремонта дома Толстому было предложено вывезти свои рукописи, так как места в хранилище для них уже не оставалось – и без того некуда было девать древние манускрипты. Особенно сильно возмущалась Софья Андреевна Толстая, назвав директора музея Ивана Цветаева «невоспитанным и противным». Рукописи Толстого принял Исторический музей.

А древняя рукопись, которая привела Воланда в Москву, могла и не сохраниться в Румянцевском музее. Ее могли просто выкрасть. Сто лет назад много шума произвело дело о краже из Пашкова дома. Украли в том числе и редкие гравюры. Всех собак повесили на Цветаева, отставив его от должности. А он, между прочим, отдал музею без малого тридцать лет жизни.

Цветаев долго оправдывался, даже книгу написал в 1910 году: «Московский Публичный и Румянцевский Музеи. Спорные вопросы. Опыт самозащиты И. Цветаева, быв. ди-

ректора сих Музеев». Суд снял с него подозрения, а в 1913 году в качестве компенсации Цветаева избрали почетным членом Румянцевского музея. В то время он уже трудился в основанном им же Музее изящных искусств на Волхонке. Но здоровье профессора было подорвано, в том же году он скончался.

В 1940 году Марина Цветаева напишет: «Мой отец поставил Музей Изыщных Искусств – один на всю страну – он основатель и собиратель. В бывшем Румянцевском Музее три наши библиотеки: деда, матери и отца. Мы Москву – задарили. А она меня вышвыривает: извергает. И кто она такая, чтобы передо мной гордиться?»

Очередной период подношения даров наступил после 1917 года. Правда, владельцев не спрашивали, хотели бы они передать Румянцевке свои собрания. Хорошо хоть ноги удалось унести. В условиях, когда жгли барские усадьбы, Пашков дом оказался настоящим спасением для графских и княжеских библиотек. А в 1925 году распустили музеи. Картины и скульптуру отдали на Волхонку, в Третьяковку, Исторический музей...

Грядущее превращение Моховой улицы в Аллею Ильича заставило Пашков дом в 1936 году навсегда распрощаться со своей изящной оградой, служившей границей сада. Вместо этого у подножия дома налепили лестницу, спускающуюся к Моховой улице (архитектор В. Долганов). Серьезно постра-

дала и планировка здания. Но самый красивый зал – Румянцевский – остался, как и те самые шкафы красного дерева вдоль его стен, стоявшие здесь с 1862 года и хранившие библиотеку канцлера.

Очередным испытанием для Пашкова дома стало строительство нового здания Библиотеки имени Ленина, как ее нарекли большевики в 1924 году. Архитекторы Щуко и Гельфрейх задумали выстроить дом – памятник вождю. Ударная стройка должна была закончиться к 16-й годовщине революции. Гранита для облицовки было в избытке, а вот с бронзой возникла напряженка. Зато много в Москве оставалось колоколов, которые оперативно переплавили для нужд строительства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.